

Относительно беспорядков на кладбище Анькэши мнения разделились: часть граждан настаивала на том, что все жители Федерации имеют право знать правду, ведь Анькэши — это достояние всей Федерации. Однако представители правящей партии утверждали, что нет никакой необходимости посвящать «невежественные массы» в такие пустяки: Федерация долгие годы живет в мире и спокойствии, к чему сеять лишнюю панику?

Эти споры были продиктованы вовсе не заботой об Анькэши. Скорее, старое противостояние двух политических лагерей выплеснулось наружу, прикрываясь именем исторической личности, известной во всей Вселенной.

Клан Цю и клан Се входили в немногочисленную группу «голубей», выступавших за открытость. Се Инъжуй отправилась на кладбище Анькэши с инспекцией — как по долгу службы, так и по личным причинам. Даже узнав в пути, что её младшая дочь пробудилась как Альфа, она не стала прерывать поездку.

Эта миссия была куда важнее, чем казалось на первый взгляд. После завершения дел она планировала заглянуть в звездную систему Сяхэ к клану Фэй. Теперь, когда её дочь пробудилась, нужно было оформить документы и на того юного Омегу из клана Фэй, чей дар проявился несколько месяцев назад, чтобы официально внести его в реестр.

Она надеялась воспользоваться случаем и окончательно закрепить союз между двумя семьями. Весь этот процесс займет несколько месяцев — к тому моменту, как она освободится, дочь уже должна будет привыкнуть к жизни после пробуждения. Жаль только, что она не сможет лично присутствовать при внесении имени дочери в реестр.

Цю Дунлу и Цю Лань некоторое время молча смотрели друг на друга, но в итоге Цю Дунлу сдался и оставил дочь на попечение старшего сына.

Мальчик был в таком восторге, что едва не подпрыгнул на месте. Однако два года обучения в духе аристократического Омеги дали о себе знать: он лишь нервно переступил с ноги на ногу, а затем, взяв Цю Лань за руку, повел её в свою игровую комнату, где вывалил перед ней целую гору игрушек.

Цю Лань не понимала назначения этих детских забав. Честно говоря, она не понимала здесь почти ничего: ни игрушек в руках, ни покрытия на полу, ни мебели в комнате. Впрочем, некоторые предметы всё же напоминали фантастические гаджеты из кино.

Значит, она попала в будущее, в эпоху межзвездных полетов.

Повезло! Просто невероятно повезло!

Цю Лань радостно размышляла: для человека, привыкшего к комфорту современной цивилизации, оказаться в мире без кондиционеров, интернета и нормальных туалетов было бы равносильно медленной пытке. А если бы её занесло в какой-нибудь средневековый гарем или заставило бы пахать поле в качестве крестьянки, то проще было бы сразу попросить нож и покончить со всем этим.

Но космос — это совсем другое дело. Безграничные карты, виртуальный мир, объединяющий всех людей, смарт-часы с тысячей функций и роботы-помощники, которые берут на себя весь быт, позволяя человеку хоть всю жизнь не вставать с кровати.

Кто знает, может, в будущем ей даже удастся поуправлять Мехой.

Чем больше она думала, тем сильнее захватывало дух!

Единственным разочарованием был тот факт, что это мир АВО. Как специфический, маргинальный и полный условностей сеттинг, АВО может быть наложен на любую вселенную, если автор того захочет. Сама она до этого читала не больше трех историй в таком жанре.

Цю Лань знала об этих порядках немного, но базовые принципы были понятны. В конце концов, быть Альфой куда лучше, чем Омегой. К тому же, в её прежних жизненных планах брак никогда не значился, так что превращение в сильную женщину-Альфу было вполне приемлемым поворотом судьбы.

Успокоившись, Цю Лань принялась внимательно изучать игрушки. Они были слишком высокотехнологичными для неё, но как взрослый человек, она была уверена, что разберется с детскими вещами. К тому же, исследовать этот новый мир было невероятно интересно. Это ощущение новизны заставляло её чувствовать себя ребенком, вернувшимся в то беззаботное время, когда ни о чем не нужно было думать.

Можно сказать, она пережила своеобразное омоложение — как физическое, так и психологическое.

Видя, что Цю Лань с головой ушла в игру, Цю Фэнси довольно улыбнулся, но тут же спохватился и напустил на себя серьезный вид, стараясь не улыбаться слишком широко. Поборовшись с собой, он вскочил и стремглав выбежал из комнаты.

Цю Лань проводила мальчика взглядом и вернулась к игрушкам. Она только что нечаянно сломала одну из них пополам — хотя, казалось бы, почти не приложила усилий. Вероятно, это был конструктор. Помучившись несколько раз и не поняв, как собрать всё обратно, она отложила сломанную вещь и взялась за другую.

Когда Цю Фэнси вернулся, в руках у него были две маленькие чашки с белым кремом, напоминающим взбитые сливки, от которого исходил холодный пар.

Он поставил чашку перед Цю Лань и звонко произнес: Сестренка, держи! Это снежное лакомство, очень вкусное, попробуй.

Цю Лань взяла чашку и под ожидающим взглядом мальчика зачерпнула ложечку. Вкус не был обжигающе ледяным, как у мороженого; в нем чувствовалась легкая молочная сладость. Описать остальные оттенки она не могла — десерт был мягким, не приторным и очень приятным. Словно шелковистый шоколад, он таял на языке и приятно охлаждал горло.

Это было восхитительно!

Цю Лань быстро зачерпнула еще одну большую ложку. В чашке оставалось меньше половины.

Вкусно? — спросил Цю Фэнси.

Очень, — улыбнулась Цю Лань, и с третьей ложкой чашка опустела.

Видя, что сестре понравилось, Цю Фэнси просиял: Если нравится, сестренка, у брата есть еще.

Он подвинул свою порцию к ней. Цю Лань посмотрела на мальчика, который улыбался так искренне, но не пропустила, как на мгновение в его глазах мелькнуло сожаление. Её сердце сжалось от жалости к этому ребенку, который так рано повзрослел.

Вкус лакомства еще оставался на языке, но аппетит у Цю Лань пропал. Она вспомнила слова мальчика о том, что он еще не ел свою порцию и готов поделиться половиной. Выходило, что те две ложки, которые она проглотила, могли быть половиной его дневного рациона.

Цю Лань причмокнула губами и мягко ответила: Брат, я наелась, ешь сам.

Не дожидаясь ответа, она отвернулась и снова занялась игрушками, исподтишка наблюдая за ним через их отражение.

Цю Фэнси не понял, что именно напридумывала себе сестра. Он решил, что она просто наелась — ведь Цю Лань только что пробудилась, в отличие от него, который уже три года соблюдал строгую диету. Она еще не привыкла ценить это лакомство как величайшее сокровище. Он принялся за свою порцию.

Ел он очень аккуратно, совсем не так, как Цю Лань: маленькими кусочками, смакуя каждый, а в конце, помедлив, съел даже то, что осталось от порции сестры.

Когда мальчик ушел, Цю Лань отложила игрушки и тяжело вздохнула. В голове крутилась куча догадок, и на душе было беспокойно.

Когда он вернулся, Цю Лань протянула ему половинки игрушки: Брат, это так сложно, никак не могу собрать.

Цю Фэнси взял игрушку, немного помялся, а потом сухо сказал: Сестренка... я тоже не особо умею. Подождем папу, он вернется и соберет, он точно справится.

Цю Лань, конечно, заметила, как он расстроился, глядя на сломанную вещь, но лишь улыбнулась и взяла другую игрушку.

На самом деле, все опасения Цю Лань были беспочвенны. Клан Цю был очень богат, настолько, что им не нужно было экономить на еде или игрушках. Просто в семье было принято строгое воспитание: каждая игрушка была на счету, и если ребенок её ломал, новую не покупали. Конечно, если очень хотелось, можно было накопить карманных денег и купить самому.

Карманных денег давали достаточно, но Цю Фэнси уже два года жил в родовом поместье после пробуждения, не видя никого, кроме учителей и слуг, поэтому купить что-то новое было просто нелегко.

Органы, отвечающие за феромоны у детей после пробуждения, очень хрупкие, поэтому в знатных семьях их отправляют в безопасное и уединенное место, пока они не научатся полностью контролировать свой дар.

Цю Фэнси провел в поместье почти три года. Теперь он мог полностью контролировать феромоны и вскоре должен был вернуться на Столичную планету, чтобы жить с мамой и снова увидеть школьных друзей. Наверняка все его товарищи уже тоже пробудились, и играть с ними, как раньше, будет уже не так просто — если вообще удастся встретиться.

Но у него будут новые друзья, а сестра никогда его не бросит.

С этой грустной мыслью он посмотрел на Цю Лань. Он знал, что она другая — не только потому, что он Омега, а она Альфа, но и потому, что ей, скорее всего, предстоит провести в этом поместье еще очень долгое время.

Вернувшись после своих дел, Цю Дунлу принес Цю Лань планшет и очки.

Планшет представлял собой виртуальный экран, управление которым осуществлялось касаниями и голосом. Очки же были нужны для защиты зрения: они выглядели как две металлические полоски, которые крепились между виском и ухом, проецируя световой экран прямо перед глазами.

Цю Лань сдержалась, чтобы не трогать их руками, и принялась внимательно изучать планшет.

Она выбрала голосовой режим. Еще когда она играла с Цю Фэнси, она поняла, что не знает местной письменности. Тот факт, что здесь говорят на китайском, был уже сам по себе чудом.

Она не строила иллюзий, что этот мир связан с Землей — если связь и была, то она выходила за рамки её понимания. Здешние иероглифы на восемьдесят процентов напоминали упрощенный китайский — как соотношение упрощенного и традиционного письма. Фразу целиком она еще могла уловить, но стоило разобрать слово по частям, как она переставала понимать смысл.

Видя, что Цю Лань увлечена планшетом, Цю Фэнси вздохнул с облегчением. Он очень боялся, что сестра покажет отцу сломанную игрушку, а тот не поймет его намеков, и сестра расплатится, узнав, что игрушка испорчена по её вине. К счастью, худшие опасения не оправдались. Он решил, что, когда вернется на Столичную планету, просто купит новую и незаметно заменит её.

Цю Дунлу, довольный тем, что дети ведут себя примерно, решил воспользоваться свободным временем и созвониться с Се Иньжуй.

Видеосвязь не ответили. Се Иньжуй лишь прислала короткое сообщение: Занята, — и больше не проронила ни слова.

Цю Дунлу со вздохом отправил детей спать.

<http://bllate.org/book/21284/2157033>